

Пианист Аркадий Володось — «Газете»

«Отчего гибнет классическая музыка»

Аркадий Володось, один из наиболее успешных музыкантов своего поколения, впервые выступает в Москве: в течение двух вечеров его игру можно будет услышать в Светлановском зале Дома музыки. Сегодня Володось исполнит Второй концерт Прокофьева в сопровождении Национального филармонического оркестра России, а в воскресенье представит сольную программу, где прозвучат сочинения Шуберта и Листа. Корреспондент «Газеты» Илья Овчинников побеседовал с музыкантом об его концертах и записях, о премиях и конкурсах, а также о многом другом.

Аркадий, почему вы играете не больше двух программ в год?

Выучить произведения — это только старт. Ничто так не углубляет твое понимание программы, как концертная практика. Все дефекты ты слышишь только на сцене, со временем твои интерпретации меняются. Еще интереснее вернуться к программе через несколько лет, поэтому двух в сезон пока хватает. Мне предлагали пойти по коммерческому пути: выучить и записать программу, на концертах ее потом не играть. Такие диски продаются хорошо, но я не соглашался, у меня вообще с программами всегда большие сложности, особенно в Америке. Мой дебют в Карнеги-холл — это был просто кошмар, постоянные несогласия, компромиссы. Сначала мне говорили, что первое отделение не может состоять из одной только русской музыки, что так не делал даже Горовиц. Про Скрябина сказали, что он слишком сложен. Про Рахманинова — что у него «много медленных пьес, мало быстрых и все в миноре». Вот на каком уровне шел разговор, вот отчего гибнет классическая музыка.

В итоге мы остановились на том, что я завершу отделение какой-нибудь виртуозной миниатюрой, и я буквально за два часа симпровизировал транскрипцию на тему Глинки. Мне было за нее стыдно, но она имела огромный успех. Хотя успех — понятие относительное и далеко не всегда связанное с тем, как реагирует публика. Скажем, после Сонаты Листа лучше вообще не аплодировать, для этого есть Венгерские рапсодии: когда они звучат, зал настолько электризуется, что после коды необходима разрядка, и тут бурная реакция более уместна.

Работаете ли вы регулярно с кем-то из российских дирижеров?

Пока я играл только с Гергиевым, и только один раз: это было в Роттердаме, мы исполняли Рахманинова, у меня был грипп, меня знобило. Но сольные программы интересуют меня куда больше, нежели выступления с оркестром: если у вас не сложились отношения с дирижером или коллективом, все испорчено заранее. Если же ты играешь один и в начале тебе что-то не удалось, то впереди у тебя весь вечер, ты можешь разыграться и раскрыться. А кроме

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

того, за два часа я высказываюсь перед публикой гораздо полнее, чем за двадцать минут.

В таком случае, интересно ли вам играть в ансамбле?

Ансамбль сегодня, как правило, создается на чисто коммерческих основаниях, имя партнера тебе могут назвать за день до концерта. Так, например, виолончельную сонату Рахманинова мы с Франсом Хельмерсоном начали репетировать накануне выступления, причем он раньше ее никогда не играл. А за один день, за один час почувствовать друг друга почти невозможно. Зато в паузе между репетициями сонаты у меня родилась транскрипция медленной части, я ее симпровизировал буквально за час. Сейчас думать об ансамбле некогда — у меня вообще достаточно мало концертов. Я не верю в то, что человек может воспаляться семьдесят раз в году: для меня максимум — тридцать, а лучше двадцать выступлений. Тогда появляется свежесть, и каждый концерт становится праздником. У меня нет больших амбиций, я никогда не хотел быть у всех на виду, давно уже не записывался и записей своих не слушал.

Ваше неучастие в конкурсах — принципиальная позиция?

Абсолютно. Не раз бывало, что меня заставляли и я почти соглашался, но в последний момент всегда отказывался. Ну ка-

меня вообще удивляет, как французы воспринимают музыку — все равно что любят красивым диваном. Германия в этом отношении отличается от Франции: там музыку чувствуют гораздо глубже. Так вот, к моменту знакомства с Циффрой у меня не было инструмента, только пианино моего отца, мне приходилось учить сонаты Скрябина, а педаль была сломана... И Циффра мне подарил рояль. Когда Гамсон меня к нему привел, я его почти не знал и очень волновался. Я ему сыграл, Циффра воспринял это на удивление серьезно, он даже плакал. А незадолго до смерти он писал, что видит в Володосе «молодого себя».

Вы любите импровизировать, делать обработки — проявилось ли в этом влияние Циффры, его незабываемых транскрипций?

Да, конечно; кстати, я играл ему Листа в обработке Горовица, ему очень понравилось, хотя обработки самого Циффры решены совсем в другом ключе. Он вообще производил впечатление человека очень величественного, мрачного. Транскрипции его интересны в первую очередь тем, что фактически это импровизации в стиле того или иного композитора.

Вы считаете для пианиста принципиальным уметь импровизировать в манере тех авторов, чьи сочинения он исполняет?

С моей точки зрения, именно в этом и заключается владение материалом, владение инструментом. Когда человек что-то долгими часами заучивает, а потом играет, то это в каком-то смысле нечестно, поскольку музыкой он на самом деле не владеет. Профессионал сможет сыграть с листа, для него не возникнет проблемы «забыть» сочинение и учить его заново.

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

По-видимому, номинация вашей записи на «Грэмми» в 2001 году также не слишком важна для вас?

А что, была такая номинация? Видите, я даже не знал об этом.

Расскажите о вашей дружбе с Дьердем Циффрой — замечательным пианистом, которого не слишком хорошо знают в России.

Нас познакомил Норбер Гамсон, мой друг, который недавно умер. В свое время он был директором французского отделения ЕМТ. Он услышал меня на фестивале молодых солистов во Франции — точно так же, как за много лет до того он случайно услышал Циффру не то в баре, не то в ресторане и привез его во Францию. Там Циффра произвел эффект разорвавшейся бомбы: его называли «воскрешшим Листом». Судьба его оказалась тяжелой, даже трагической: эмиграция, гибель сына, не говоря уже о том, как жестоко с ним обошлись публика и пресса — сначала вознесли на небеса, потом растоптали.

Во Франции, где он много выступал, все зависит от моды;

исполняя обработки Циффры, вы всегда видите ход его пианистической мысли; они звучат иной раз зубоборительно, хотя для исполнения необыкновенно удобны, словно сами ложатся в руки, его «Полет шмеля» может школьник сыграть. То же можно сказать, например, о Третьем концерте Рахманинова: о сложности этого сочинения ходят легенды, тогда как оно играется будто само, потому что автор — пианист. У Чайковского совсем иначе: он был великий композитор, но природу рояля чувствовал гораздо хуже.

Известно, что для себя вы зачастую играете совсем другую музыку, чем на концертах.

Конечно; для себя я играю много Баха, Рамо, но не сказал бы, что по-настоящему владею этим материалом. Мне встречались люди, которые могли с ходу симпровизировать фугу — вот настоящее мастерство, вот истинное владение языком. Я же этой фактурой пока не владею, а симпровизировать в стиле Шумана, Скрябина, Рахманинова могу без труда.

Насколько быстро пополняется ваш репертуар?

Видите ли, добавить к своему репертуару новое сочинение — не значит просто его выучить. Я могу долго играть какую-то вещь, а потом решить, что исполнять ее все же не буду. Торопиться вообще не надо. Для меня сложнее выбрать программу, чем выучить ее. С другой стороны, для себя я играю все сонаты Шуберта, хочу их все записать, но на концерты пока выношу только пять-шесть. Мой принцип — ничего не делать через силу. После активного турне, устав от отелей и перелетов, я обычно отдыхаю в течение месяца. И через месяц ты подходишь к роялю с абсолютно новым чувством.

Мастер импровизации

Аркадий Володось родился в 1972 году в Ленинграде. Обучаться игре на фортепиано начал в сравнительно позднем возрасте — в шестнадцать лет. Его педагогами были Галина Егиазарова, Жак Рувье и Дмитрий Башкиров. С 19 лет живет в Европе. Записывается на фирме Sony Classical, где в 1997 году вышел его дебютный альбом с программой фортепианных транскрипций. За первой успешной пластинкой последовала вторая — запись концерта в Карнеги-холл (1999). Володось — лауреат премий авторитетных музыкальных изданий, номинант премии «Грэмми» (2001). Выступает с ведущими оркестрами и дирижерами мира, хотя предпочитает сольные программы.